

Ю.А. Бахурин,
архивный исследователь издательства «Тактикал Пресс» (Москва)

**ВЫНУЖДЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
ИЗ ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1914–1917 гг.)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме вынужденных переселенцев из западных окраин Российской империи в Москве и Московской губернии в 1914–1917 гг. Внимание уделяется статистическим показателям, а также той помощи, которую оказывали беженцам государственная власть и частные благотворительные организации.

Ключевые слова: Первая мировая война, вынужденные переселенцы, беженцы, Московская губерния, Татьянинский комитет.

Yu.A. Bakhurin

**INTERNALLY DISPLACED PERSONS
FROM THE WESTERN SUBURBS OF RUSSIAN EMPIRE
IN MOSCOW AND MOSCOW GOVERNORATE (1914–1917).**

Summary: The article is devoted to the internally displaced persons from the western suburbs of the Russian empire in Moscow and Moscow governorate in 1914–1917. The author also considers the statistical issues and assistance of state and national organizations to the refugees in this region.

Keywords: World War I, internally displaced persons, refugees, Moscow governorate, Tatiana committee.

В 2014 г. исполняется столетие с начала Первой мировой войны. Эта дата уже сегодня привлекает пристальное внимание историков, политологов и юристов, еще раз напоминая широким кругам общественности о тех лишениях и страданиях, которые несут войны и вооруженные конфликты гражданскому населению. Одной из малоизученных страниц истории войны по-прежнему остаются вынужденные переселения подданных Российской империи в ее внутренние губернии. Обернувшись тяжкими испытаниями для примерно 5 миллионов мирных жителей России¹, эти события оказались уникальным опытом и для

¹ *Курцев А. Н.* Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // Культура городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2009. С. 327.

государственной и общественной систем. Изучение проблемы беженства на региональном уровне позволяет детализировать течение событий и их последствий в общем масштабе. Настоящая статья посвящена вынужденным переселенцам из западных окраин империи, оказавшимся в Москве и Московской губернии в 1914–1917 гг. Поскольку количество пребывавших на их территории жителей пограничья России, интернированных насильно, было небольшим, дальнейшее употребление понятия «беженец» наряду с более широким определением представляется оптимальным.

Первая волна беженцев из западных губерний достигла Москвы вскоре после объявления войны. Уже в первые месяцы боевых действий вторая столица играла роль транспортного узла в следовании вынужденных переселенцев во внутренние губернии. Только с 12 сентября по 14 октября 1914 г. через московские вокзалы прошли 33 502 беженца — в среднем по 1000 человек ежедневно)². Однако в целом их количество не выходило за рамки внутренних миграций мирного времени. Даже эвакуация цирка и любительских театров из Царства Польского воспринималась горожанами скорее как гастроли³.

Численность прибывающих партий была сравнительно небольшой по сравнению с захлестнувшим Центральную Россию с середины 1915 г. людским потоком. Тогда, по воспоминаниям современника событий, московского художника Л. Н. Хорошкевича, «осенью фронт встал. Москва переполнилась беженцами, поляками из-под Ченстохова, Львова...»⁴. Между тем в научной литературе практически отсутствуют даже приблизительно точные количественные данные о числе беженцев в Москве и губернии как в первый, так и последующие годы войны, динамике их прибытия.

Исследовательница истории населения Москвы И. Н. Гаврилова указывает, что массовый наплыв переселенцев в город имел место во второй половине 1915 г. и составил 145 тыс. человек. По исчислению за 1915 г.

² Цовян Д. Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в России в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 98.

³ Руга В., Кокорев А. Война и москвичи: Очерки городского быта 1914–1917 гг. М., 2008. С. 338–340.

⁴ «...Это были годы разрушения, а не строительства». Из воспоминаний художника Л. Н. Хорошкевича. 1914–1919 гг. // Отечественные архивы. 2007. № 3. С. 91.

в Москве находилось 141,5 тыс. беженцев⁵. Также известно, что к лету 1917 г. в Московской губернии было зарегистрировано 212307 человек, в том числе в Москве — 170784⁶.

Дело регистрации беженцев на местах был поставлено следующим образом. Еще 7 августа 1914 г. уездным полицейским управлениям было адресовано циркулярное предложение № 125 об учете прибывающих в зону их ответственности беженцев. Соответствующие рапорты должны были подаваться исправниками и полицмейстерами в первый стол канцелярии московского губернатора с периодичностью примерно раз в 2 недели.

К сожалению, данные документы отложились в архивах далеко не в полном объеме. Однако их анализ формирует следующую картину развития событий. В первые месяцы 1915 г., до конца марта включительно, в большинство уездов беженцев из территорий, соседних с театром военных действий, не прибывало. Фиксировались лишь отдельные переселенцы, приискание жилой площади и работы для которых не создавало затруднений.

Канцелярия губернатора перенаправляла уездным исправникам запросы Комитета Татьяны Николаевны о пребывании во вверенных им уездах тех или иных персон из числа переселенцев и том, «в какой степени каждый из них нуждается в выдаче единовременного пособия»⁷. Вплоть до мая 1915 г. их имущественное положение в рапортах с мест в большинстве своем характеризовалось фразой «в помощи не нуждается». Не исключено, что уездные исправники не вникали надлежащим образом в условия жизни на новом месте каждого беженца или беженской семьи. Порой информация о вновь прибывающих в уезд запаздывала на месяцы — в частности, серпуховский уездный исправник докладывал об осевших на его территории с 15 января по 1 февраля в рапорте от 18 мая⁸. В текстах рапортов встречаются и курьезы: например, общественное положение у одной из беженок наряду с «крестьянками» и «мещанками» было определено, как «жена грузина»⁹.

⁵ Гаврилова И. Н. Демографическая история Москвы. М., 1997. С. 58.

⁶ Курцев А. Н. Беженство // Россия и Первая мировая война : материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 141.

⁷ Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива г. Москвы (далее — ЦХД до 1917 г. ЦГА М). Ф. 17. Оп. 96. Д. 971. Л. 49–51, 53–54.

⁸ Там же. Л. 97.

⁹ Там же. Л. 104.

Летом 1915 г., в период наиболее массового исхода вынужденных переселенцев с Запада в тыл, количество беженцев в губернии еженедельно пополнялось десятками человек. Многие из них изначально прибывали в Москву, откуда перенаправлялись в один из уездов — в частности, именно таким был маршрут осевшей в Подольском уезде партии из 32 человек, ранее жителей Риги, Вильно, Лодзи, Радома, Варшавы, Брест-Литовска и др.¹⁰ Одновременно с этим отмечалось и выбывание отдельных беженцев, следовавших в Москву¹¹.

К весне 1916 г. массовое передвижение беженцев по железным дорогам прекратилось, однако вынужденные переселенцы продолжали небольшими партиями прибывать в Москву и уезд. Положение с нехваткой жилых помещений обострялось выявляющимся нежеланием некоторых землевладельцев сдавать свои дачи на летний период под нужды беженцев. Как следствие, усилилась потребность в переселении последних в другие уезды.

Соответственно изобилию переселенцев в городе и уездах трансформировалось отношение к ним со стороны коренного населения. Если еще осенью 1915 г., по свидетельству беженца из Минской губернии Ф. М. Новика, москвичи «как-то странно, насмешливо оглядывали» его с родным братом¹², то к началу 1916 г. мировые суды оказались завалены делами, связанными с беженцами. В большинстве своем это были иски домовладельцев о выселении из квартир, которые отказывались освобождать приезжие, не желая притом вносить плату. Кроме того, наблюдалось немалое количество дел, связанных с личными оскорблениями. Рост нервозности среди жителей второй столицы объяснялся ухудшением условий жизни москвичей, дефицитом продовольствия и топлива, очередями¹³, на тот момент еще бывшими в диковинку. Это же всё, в свою очередь, было обусловлено пребыванием в Москве беженской диаспоры.

Отношение высокопоставленного московского чиновничества к прибывающим в город переселенцам иллюстрируют воспоминания уполномоченного Всероссийского союза городов Е. А. Никольского, сопровождавшего партию выходцев из Козениц Ивангородского крепостного

¹⁰ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 17. Оп. 96. Д. 972. Л. 5–8об.

¹¹ Там же. Л. 48–49, 73.

¹² Новик Ф. М. Беженцы. Повесть из нашего прошлого. Рукопись. С. 57 // Личный архив М. Р. Путилиной (г. Озёры Московской обл.).

¹³ Руга В., Кокорев А. Указ. соч. С. 353–354.

района: «Наконец, после десяти дней путешествия рано утром мы прибыли в Москву. <...> Тотчас же по прибытии поезда я отправился к московскому губернатору. Оказалось, что он еще спал. Он долго меня не принимал и, наконец, принял. Нравоучительным тоном учителя с учеником он долго объяснял мне, что дело нашего устройства его не касается, и указал, что мне надлежит обратиться к градоначальнику.

Я поехал к градоначальнику. После долгого ожидания меня принял его помощник. Он выслушал, попросил подождать. Через два часа вышел и сказал, что градоначальник просил передать, что беженцы его не касаются, что не может ничем помочь и советует обратиться к городскому голове. <...> Городской голова оказался в управе — опять просит очень вежливо подождать. Сижу я жду. Стрелки часов показывают пять часов вечера. На мою настойчивую просьбу, что у меня дело спешное, не терпящее замедления, дежурный чиновник отвечает, что в кабинете головы идет совещание, его присутствие там необходимо, а потому до окончания совещания он принять меня не сможет...»¹⁴.

Дабы попасть на прием к городскому голове М. В. Челнокову, Никольскому пришлось применить силу. В ответ на просьбу уделить внимание нуждам новых беженцев, не имеющих даже крыши над головой, Челноков попросил уполномоченного покинуть кабинет. Вышедший из себя Никольский «в каком-то иступлении начал истерически кричать, насколько я теперь помню, следующее:

— На всем пути с театра военных действий и здесь, в Москве, в сердце России, никому вообще — ни вашему губернатору, ни градоначальнику, ни вам, здесь сидящим, сытым, жирным и, видимо, довольным собой, — нет никакого дела до несчастных 1028 человек, сидящих в настоящее время в грязных товарных вагонах голодными, больными, с женами и детьми»¹⁵.

Скверно питаюсь в пути до Москвы и ослабев, он потерял сознание от волнения. Видимо, происшедшее впечатлило городского голову — он принес пришедшему в себя Никольскому извинения и пообещал принять вновь прибывших беженцев на попечение городской управы.

Складывающаяся ситуация поставила перед московским земством ряд сложных вопросов об оказании помощи беженцам, профилактики распространения инфекционных заболеваний в местах их размещения,

¹⁴ Цит. по: *Никольский Е. А.* Записки о прошлом. М., 2007. С. 209.

¹⁵ Там же. С. 210.

необходимости урегулирования в целом хаотичных процессов вынужденных переселений и т. д.

7 августа 1915 г. Московская губернская управа созвала совещание председателей уездных управ при участии представителей земских и городских союзов и г. Москвы. По его итогам было принято постановление о том, что «дело эвакуации и организации беженцев может быть решено лишь теми общественными организациями, чья деятельность имеет всероссийский характер»¹⁶.

Вопрос о ведении помощью и устройством беженцев, прибывающих в Московскую губернию, по мнению совещания, должен был решаться на уровне местных земских управ. Решения о распределении обязанностей между ними и уездными комитетами Всероссийского земского союза принято не было.

Не была достигнута ясность и в отношении находящихся на территории Москвы и губернии масс беженцев. Совещание признавало, что «уезды Московской губернии не должны и не могут вообще служить для эвакуации беженцев», но уже в следующем пункте резолюции признавало необходимость разгрузки переполненной вынужденными переселенцами Москвы. Было решено просить уездные земские управы о подготовке жилищ для их временного размещения, с установлением лимита не свыше 300 человек для каждого из уездов¹⁷.

По-прежнему оставался актуальным вопрос об организации врачебно-питательных пунктов по возможным путям следования беженцев, в частности грунтовыми дорогам. По нему было постановлено извещать губернский комитет Всероссийского земского союза об открытии новых пунктов как на грунтовых, так и на железных дорогах. Таким образом, вопрос о регулировании передвижения и размещения беженцев по решению совещания был передан в Общеземский союз¹⁸.

23 августа 1915 г. на заседании Московского губернского комитета ВЗС была избрана комиссия из числа видных земских деятелей и представителей медицины — В. А. Левицкого, С. М. Богословского, С. Ф. Кельх, И. И. Волоцкого и М. П. Поливанова. Им была поручена выработка плана организации помощи беженцам.

Стать основой для нее и задать направление этой помощи должен был вновь образуемый центральный орган. В его состав предполагалось

¹⁶ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 11об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 12.

вхождение представителей прежде всего главных комитетов Земского и Городского союзов и их санитарных бюро, кроме того — Московского городского самоуправления с санитарным бюро, губернского комитета ВЗС, Центрального комитета кооперативов, Общества помощи жертвам войны, национальных обществ и профсоюзов.

Функции данного органа определяли следующие направления работы: установление связи с эвакуируемыми местностями; общий учет беженцев; эвакуация беженцев в губернии распределения; информирование руководства губерний о количестве прибывающих на их территорию переселенцев; разрешение организационных вопросов, возникающих на местах.

Оно поручалось образуемым при губернских и уездных комитетах помощи больным и раненым воинам особым комиссиям, включающим также представителей кооперативов и других местных организаций.

В ведении губернских комиссий должны были находиться организация регулярного получения предварительных сведений о количестве движущихся в губернию беженцев, о путях, по которым они движутся, и о времени их прибытия в пределы губернии. Кроме того, на них возлагались организация помощи в пути, устройство распределителей в губернии, помещений для людей и скота, бань, медицинской помощи и ветеринарного контроля. Регистрация вынужденных переселенцев, учреждение бюро труда и вторичная эвакуация в случае необходимости в уезды, города и за пределы губернии также являлись первоочередными задачами.

Функции же уездных комиссий и местных комитетов заключались в призрении беженцев на местах (организации труда, устройстве жилых помещений, доставке топлива, питании, медицинской помощи, обучении и т. д.)¹⁹. Оно должно было осуществляться в соответствии с разработанными руководящими положениями о помощи беженцам на местах. В них подробно регламентировались условия размещения переселенцев, обеспечения их продовольствием и медицинской помощью.

В помещениях, предназначенных для расселения беженцев, на каждого из размещенных в них должно было приходиться не менее 7 квадратных аршин площади пола. Кроме того, каждого проживающего надлежало снабдить койкой, матрасом, подушкой, двумя сменами постельного (простыни, наволочки, полотенце) и «носильного» белья (ру-

¹⁹ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 12об.

баха, кальсоны или юбка, чулки или носки). Помещение должно было быть обеспечено умывальником, лампами, шкафом или полками для посуды.

Кухни в соответствии с руководящими положениями располагались отдельно от жилых комнат. Перечень необходимых для них предметов включал меблировку (кухонный стол, обеденный стол, табуретки или скамьи), ларь для припасов, кадку для воды, ковши, ведра, ушат, судомойку, котлы или чугуны для щей и каши, столовые приборы («разливательные ложки», большие вилки), куб для кипячения воды или самовар, швабры, корыта или лоханки для стирки и т. д.²⁰

Отмечалось, что при расселении беженцев семьями в отдельных квартирах было бы оптимально организовать их питание в общих столовых. В качестве возможной альтернативы обеспечению переселенцев квартирами в натуре предлагались выплаты так называемых «квартирных денег» в размере установленного в уезде казенного квартирного пайка для семей запасных либо одобренном губернским комитетом.

Также руководящими положениями о помощи беженцам на местах определялись размеры пищевого довольствия. Обеспечение им должно было производиться в натуре либо путем выдачи столовых денег в размере пайка для семей запасных. В первом случае рацион взрослого беженца предполагал утром и вечером — чай с хлебом, на обед — щи или суп с мясом, кашу, хлеб. Дневная норма мяса на одного человека равнялась $\frac{1}{4}$ фунта, хлеба — 2 фунта. Чай и сахар распределялись по месяцам ($\frac{1}{2}$ и 2 фунта соответственно). Детям, ко всем прочему, планировалось выдавать молоко²¹.

Медицинской помощью беженцы должны были пользоваться в земских лечебницах на общих с местным населением основаниях. Соответственно организовывать крупные поселения беженцев надлежало устраивать в местах, доступных для медицинского надзора со стороны земских и фабричных амбулаторий и госпиталей ВЗС. Кроме того, Руководящими положениями предписывалось отведение специальных помещений для изоляции заразных больных. В случаях, когда поселения беженцев окажутся удалены от лечебниц, в них следовало организовывать медицинскую помощь в соответствии с нормами, установленными для рабочих нефтяных разработок.

²⁰ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

²¹ Там же. Л. 13об.

Данный план работы наряду с Руководящими положениями о помощи беженцам на местах был заслушан на заседании губернского комитета ВЗС от 26 августа 1915 г., а затем разослан в уездные и местные комитеты помощи больным и раненым в Московской губернии.

Тогда же была выработана сеть питательных пунктов на железных дорогах. К осени 1915 г. они были частично организованы и продолжали устраиваться на станциях Можайск, Кубинка, Наро-Фоминск, Серпухов, Волоколамск, Лосино-Островская, Подмосковная и Перово²².

Однако, несмотря на улучшение условий транспортировки беженцев через территорию губернии, на тот момент немалое их количество уже осело в ней — как большими группами (например, на станции Лосино-Островской, в Гжели, Богородске и пригородах Москвы), так и отдельными семьями. 7 августа на заседании председателей уездных управ было озвучено мнение о неприемлемости такого положения вещей, однако оно так и осталось благим пожеланием. Дело помощи беженцам же не допускало отлагательств. В уездах за него взялись местные организации — комитеты помощи больным и раненым воинам, кооперативные товарищества, приходские и участковые попечительства, а также особые комитеты по вопросу о беженцах, организованные под председательством предводителей дворянства.

В своей деятельности на местах они неизбежно сталкивались с рядом проблем. Например, в Дмитрове и уезде осмотр домов для квартир беженцев обнаружил пригодность лишь одного дома, стоимость аренды жилой площади в котором составляла 30 рублей в месяц. В этой связи Исполнительная комиссия постановила «признать принципиально желательным найти помещение для временного помещения беженцев и для дешевых квартир»²³. Помочь в этом чиновникам вызвались помочь учащиеся земских школ. Для маленьких детей беженцев был организован детский сад на 50 человек, но также требовалось помещение для открытия начальной школы.

Не требующее отлагательств установление порядка выдачи пайков не удавалось разрешить одномоментно. Сначала на заседании Исполнительной комиссии комитета от 16 октября 1915 г. его было решено передать на заключение попечительства о семьях запасных. Обсуждение вопроса об обеспечении пайками группы еврейских беженцев было

²² ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

²³ Там же. Ф. 1894. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

отложено, с тем чтобы выяснить — последует ли параллельно какая-либо помощь им от национальных организаций в Москве.

На совещании от 28 октября было постановлено поручить учителям школ города и уезда «обследовать» положение отдельных семей беженцев и направить свои заключения в Исполнительную комиссию. Затем, в случае удовлетворения ходатайства нуждающихся, семьи, имеющие работоспособных членов, должны были обеспечиваться пайками в течение 2 недель. После чего им следовало подавать очередное прошение с его последующим обсуждением Исполнительной комиссией. Дело обеспечения беженцев продовольствием, таким образом, затягивалось. До наступления первых холодов в начале ноября не удалось решить вопрос и с размещением беженцев, по-прежнему пользующихся неотопливаемыми, малопригодными для жилья помещениями²⁴.

2 сентября 1915 г. губернским комитетом ВЗС была избрана особая комиссия по делу помощи беженцам, которой и были переданы все дела. В ее состав вошли П. П. Патрикеев, князь С. А. Щербатов, профессор Д. Ф. Синицын, А. П. и В. А. Левицкие, С. М. Богословский, И. И. Волоцкой, С. Ф. Кельх и М. П. Поливанов. На том же заседании прозвучало признание в том, что «несмотря на все меры, предпринимаемые Всероссийским Земским Союзом и Всероссийским Союзом Городов в деле упорядочения движения и размещения беженцев, дело это мало подвигается и до сих пор находится в совершенно хаотическом состоянии: никто не знает, откуда ждать наплыва беженцев, куда их направлять, где размещать»²⁵. Разрешение этих и других проблем и дело помощи вынужденным переселенцам в губернии вообще было решено поручить на сей раз губернскому Комитету помощи раненым и больным воинам и их семьям.

Весна следующего года ознаменовалась очередной попыткой централизации помощи вынужденным переселенцам в Москве и губернии — согласно статье 8 «Руководящих положений по устройству беженцев», принятых 2 марта 1916 г., было образовано губернское по устройству беженцев Совещание. Его основной задачей виделось «объединение и планомерное направление деятельности всех призванных для обслуживания нужд беженцев местных учреждений»²⁶.

²⁴ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1894. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–7.

²⁵ Цит. по: ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

²⁶ Там же. Л. 16.

В состав вошли представители правительственной власти, земского и городского самоуправлений, а также национальных организаций.

Одной из функций губернского Совещания являлось рассмотрение смет беженских организаций с последующим направлением их в Особое совещание по устройству беженцев, учрежденное законом «Об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г.²⁷

29 марта 1916 г. отдел по делам беженцев Земского отдела МВД препроводил московскому губернатору смету расходов на содержание беженцев в апреле, мае и июне текущего года на общую сумму 840570 рублей. Ее следовало внести на рассмотрение губернского Совещания, после чего возвратить в отдел со сделанным по ней заключением. Тремя же днями ранее Московская губернская земская управа направила телеграмму радомскому губернатору, уведомляя его о том, что «в смету по устройству беженцев на Апрель, Май, Июнь, отправленную Вашему Превосходительству 21 марта сего года, вкралась при переписке 2 ошибки»²⁸. В частности, итоговая сумма оказалась уменьшена на 10 000 рублей. А, например, финансовой отчетности от Можайского уездного комитета за конечный период 1916 г. даже два года спустя тщетно дожидался уже земский отдел Совета рабочих, солдатских крестьянских депутатов²⁹.

Именно так, не безошибочно, но последовательно велось дело централизации помощи вынужденным переселенцам в Москве и губернии. Наряду с этим уже с первых месяцев войны действовал ряд благотворительных организаций. Главной из них являлся Комитет е. и. в. великой княжны Татьяны Николаевны, или Татьянинский комитет. Открытие его отделений в уездах Московской губернии было вызвано к жизни массовым наплывом беженцев с середины 1915 г. Из полученной губернским комитетом в качестве аванса суммы в 30 тысяч рублей 21 тысяча была распределена между уездами, по 1500 рублей на каждый из них. Московскому уезду ассигновали 3000 рублей, а еще 9000 рублей остались нераспределенными до поступления уточненных сведений о суммах, требующихся для покрытия дополнительных расходов³⁰. Помимо этого, уездными отделениями Татьянинского

²⁷ Ильин А. В. Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 — февраль 1917 г.) // Известия вузов. Правоведение. 1991. № 5. С. 50.

²⁸ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.

²⁹ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 184. Оп. 11. Д. 132. Л. 1, 13.

³⁰ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–12об.

комитета организовывались кружечные сборы; например, два сбора в мае и октябре 1915 г. в Серпуховском уезде принесли 929 руб. 41 коп. и 414 руб. 33 коп. соответственно. Велась работа по обеспечению беженцев пайками и одеждой, крупные суммы тратились на оплату учебы детей на новом месте, для сирот устраивались приюты. На попечении одного Московского столичного отделения комитета к началу 1917 г. находилось 36 приютов, 48 очагов, яслей и детских садов, 19 интернатов, 41 низшее и 6 средних учебных заведений и т. д.³¹

Не оставались в стороне и национальные организации — социальное явление, порожденное тяготами беженства в годы Первой мировой войны. На территории Москвы действовали организации помощи русским переселенцам, подчас формировавшиеся по принципу землячеств — например, Комитет Гродненского софийского братства по оказанию временной помощи русским беженцам Гродненской губернии³². Кроме того, в Москве русские беженцы получали помощь от Московского отдела Всероссийского общества попечения о русских беженцах, образованного в Петрограде в октябре 1915 г. Он действовал под началом правомонархически настроенных митрополита Московского и Коломенского Макария и протоиерея о. Иоанна Восторгова. В течение первого года деятельности, с 15 ноября 1915 г. по 1 сентября 1916 г., за помощью к московскому отделению обратились почти 5,5 тыс. беженцев. Единовременными пособиями на питание и лечение воспользовались в общей сложности около 2 тыс. человек, в питательном пункте организации столовались ежедневно до 120 человек. Религиозные и культурные нужды беженцев обслуживались двумя православными священниками, осуществлялось призрение детей, учащихся и одиноких женщин и девушек в общежитиях-интернатах и приюте³³. Невзирая на это, и в середине 1916 г. в печати и беженской среде высказывались сетования на недостаточное внимание к нуждам русских переселенцев³⁴.

Одной из наиболее крупных национальных беженских организаций второй столицы являлся Польский комитет по оказанию помощи

³¹ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

³² Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М., 2010. С. 108.

³³ *Туманова А. С.* Гражданское общество и его адаптивные возможности в кризисных условиях // Материалы XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. М., 2012. Кн. 1. С. 220.

³⁴ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 2. Л. 40.

жертвам войны в Москве, образованный в июле 1914 г. в качестве комиссии при Благотворительном обществе вспомоществования бедным римско-католического вероисповедания в Москве, комитет приобрел статус самостоятельной организации спустя год. К 1 декабря 1916 г. в работе этой организации участвовало более 1000 человек, из них более трети трудились безвозмездно. Возглавлял комитет поляк по национальности и известный общественный деятель А. Р. Ледницкий. Существовал Польский комитет на дотации Татьянинского комитета, средства, отпущенные ему Особым совещанием по устройству беженцев при МВД, а также на пожертвования (единовременные, членские взносы, самообложения польского населения, доходы от концертов и спектаклей и др.). Как и у других беженских организаций, львиную долю дохода организации составляли государственные средства.

20 мая 1916 г. состоялось заседание Московского совещания по устройству беженцев под председательством и. д. московского губернатора вице-губернатора А. М. Устинова. На нем была доложена смета Польского комитета за период с 1 апреля по 1 июня 1916 г., обсуждение которой было решено вести в порядке статей³⁵.

Польскому комитету удавалось уменьшить размер квартирной платы для своих подопечных — например, весной 1916 г. он был снижен до 1 рубля 20 копеек на фоне вздорожания квартир в губернии. По этой причине земство, стремясь избежать ухудшения положения беженцев и роста недовольства среди них, было вынуждено ходатайствовать об увеличении квартирного пайка до 2 и даже 2,5 рублей.

Продовольственный паек, выдаваемый полякам-беженцам, также был равен принятой губернским Совещанием норме в 7,5 рублей в месяц. Пайки выдавались Польским комитетом 2884 людям; 577 из них относилось к категории, имеющей право лишь на половину пайка. Последним по смете на апрель-июнь 1916 г. отпускалось 1963 рубля 75 копеек на месяц, остальным — 19266 рублей 25 копеек на месяц, 57798 рублей 75 копеек — на 3 месяца.

В рамки деятельности комитета входило и здравоохранение — в частности, на его средства содержалась эвакуированная из Польши и развернутая в Богородском медицинская часть. Это направление деятельности согласовывалось с принятым планом санитарно-медицинской помощи населению губернии, однако лечение и лекарства в учреждениях Польского комитета обходились нуждающимся весьма недешево — в сред-

³⁵ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 40–45об.

нем по 1 руб. 80 коп. на каждого обратившегося. Вдобавок определенные проблемы создавал языковой барьер, хотя и не являвшийся повсеместным. Земство предлагало прекратить финансирование медицинской части Польского комитета, однако Губернское совещание не пошло на это. Врачебная помощь была общим делом для всех беженских организаций и в том же Богородске больные сыпным тифом содержались в земских больницах.

Важной расходной статьей смет Польского комитета была помощь беженцам одеждой, обувью и бельем. 75 % поляков из их числа обеспечивались суммой в 5 рублей на четверть года, остальные находились на попечении губернского земства, выдававшего каждому нуждающемуся по 4 рубля.

Всего с начала существования в июле 1914 и до 1 сентября 1916 г. регистрационным отделом Польского комитета было зарегистрировано в Москве около 91 тыс. беженцев. Почти все они воспользовались помощью организации, причем более 30 тыс. беженцев получали постоянное призрение. Все зарегистрированные беженцы были расселены по частным квартирам, убежищам и приютам для беженцев в самой Москве и в пригородах: Марьиной роще, Бутырках, селе Черкизово, по Ярославскому шоссе³⁶. Одним из таких поселений была община поляков-беженцев в Калитниковском поселке.

В ней наряду с перечисленными направлениями помощи особое внимание уделялось духовным нуждам беженцев и сохранению ими национальной идентичности. В одном из барачных корпусов наряду с православной церковью было отведено место для католической часовни. «Среди населения много старых лиц и много женщин, особенно жаждущих духовного утешения. Желательно, чтобы и священник, и церковник были из числа беженцев», — сообщалось в обращении в Польский комитет.

Общее несчастье сблизило русских и польских беженцев. Зачастую они селились вместе, выделить поляков из прочего населения Калитниковского поселка становилось непросто даже для уполномоченных Польского комитета. Аргументы о необходимости «сохранить в чистоте язык предков» расценивались как призывы к обособлению. Выходом из сложившейся ситуации стало открытие школы для детей поляков. По соглашению с представительницами Комитета на должность учительниц в ней были приглашены Елена Таудешевна Павловская и Софья

³⁶ *Туманова А. С.* Указ. соч. С. 221–222.

Станиславовна Мусятович — обе беженки (Павловская из Ломжи, Мусятович из Лодзи), польки, профессиональные народные учительницы³⁷.

На исходе 1916 г. администрация Калитниковского поселка решила организовать рождественскую елку для детей-беженцев, как польских, так и русских. Выделенных городской управой средств оказалось недостаточно даже для приобретения детям подарков и угощений. В Польский комитет поступила просьба «принять участие в осуществлении намерения доставить детям хотя какое-нибудь развлечение в наше тяжелое время». Три дня спустя правление Комитета ассигновало администрации Калитниковского поселка сумму в размере 500 рублей, выразив пожелание, чтобы эти деньги были потрачены на одежду для детей. В знак признательности за пожертвование члены правления Польского комитета были приглашены на устроенную 25, 26 и 27 декабря общую елку. В ретроспективе это, малозначительное на первый взгляд, событие представляется весьма важным. То, что казалось невозможным в первые месяцы исхода и обострения национальной розни в беженской среде, демонстрировало ростки ее объединения — увы, накануне череды революционных потрясений 1917 г.

Месяцем ранее правление Комитета обращалось в отдел помощи беженцам Московской городской управы с просьбой предоставить десяти больным детям и сопровождающей их сотруднице Комитета Марии Мизельгорн бесплатные билеты на проезд в Симферополь³⁸. Судя по отложившимся в архивах телеграммам, отправки детей под попечительством Польского комитета на ряд курортов — в Симферополь, Севастополь, Алушту и т. д. — регулярно организовывались и в 1917 г.

Наступление осени ознаменовалось для Москвы растущей нехваткой продовольствия и топлива. Правлением Комитета было принято решение об эвакуации из города части своих учреждений, в том числе приютов. Один из них, состоявший из ста девочек, предполагалось перевести в Одессу. Там была открыта новая попечительская организация, названная «Домом Марии», организованная католической общиной францисканок-миссионерок Марии под руководством м. Марии Држевецкой. Вместе с детьми отправлялись десять работников учебного персонала и инвентарь — кровати, столы, скамейки,

³⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-5115. Оп. 1. Д. 67. Л. 10.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-5115. Оп. 1. Д. 59. Л. 17.

стулья и корзины с домашней утварью. В этой связи Комитет 6 сентября 1917 г. просил управление Московско-Киевско-Воронежской железной дороги предоставить необходимое количество отдельных вагонов для перевозки детей и багажа³⁹.

Кроме того, крупной организацией, оказывавшей помощь вынужденным переселенцам польской национальности в годы Первой мировой войны, в том числе — осевшим на территории Москвы и губернии, являлся Центральный обывательский комитет (ЦОК) губерний Царства Польского. Он был учрежден 29 августа 1914 г. для оказания помощи пострадавшему от войны населению под председательством помощника варшавского генерал-губернатора Д. Н. Любимова.

Активизация деятельности ЦОК приходится на лето 1915 г. Комиссией по распределению кредитов Особого совещания по устройству беженцев на нужды Центрального обывательского комитета было отпущена сумма в размере 1,5 миллионов руб.⁴⁰ 9 сентября 1915 г. он был перенесен в Петроград, «сообразуясь на фронте с Главноуполномоченным по устройству беженцев, а вне фронта подчиняясь руководству Отдела МВД по устройству беженцев»⁴¹. Тогда же в циркуляре московскому губернатору министр внутренних дел сообщал об оказываемой Комитетом помощи польским беженцам, располагая подробной информацией о его деятельности, поскольку сметы ЦОК направлялись на утверждение в МВД.

Наряду с этим активная помощь оказывалась прибывавшим в Москву и губернию беженцам-евреям. В Москве функционировало Московское еврейское общество помощи жертвам войны. О масштабах его деятельности позволяет судить общая сумма расходов с августа 1914 г. по декабрь 1915 г., составившая 863 000 руб.⁴² Обществом устраивался вещевой сбор в пользу беженцев и бедных г. Москвы. «Комитет содержит 8 общежитий, комиссию пособий, столовую, амбулаторный пункт и не имеет возможности тратить из сумм самообложений на одежду», — говорилось в воззвании ко всем проживающим в Москве евреям⁴³.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5115. Оп. 1. Д. 123. Л. 1. Подробнее см.: Бахурин Ю. А. «Одиноким с родины»: дети-беженцы Первой мировой в Московской губернии // Родина. 2013. № 8. С. 139–141.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 1. Л. 10.

⁴¹ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 33.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 41. Л. 8об.

⁴³ Там же. Л. 5.

До 1 мая 1916 г. вещевой комиссией было собрано 1017 пудов вещей, в основном теплых одежды и платья.

Московский пункт накормил и одел свыше 30 000 еврейских беженцев, из них проезжавших через Москву: на 1 октября 1915 г. — 1112 человека, на 1 мая 1916 г. — 4398 человек, на 1 октября — 5439 человек⁴⁴. Была учреждена Комиссия помощи проезжающим.

Обществом в Москве было открыто 22 общежития, в том числе 5 зимних квартир в Богородском. С августа 1915 по октябрь 1916 г. в общежитиях проживало свыше 2500 человек: на 1 октября 1915 г. — 600 человек, на 1 января 1916 г. — 490 человек, на 1 мая 1916 г. — 430 человек, на 1 октября 1916 г. — 411 человек⁴⁵. Функционировала «Интеллигентская комиссия», содержащая общежитие на 25 человек и столовую.

11 августа 1915 г. открылся юридический отдел МЕВОПО. Всего были зарегистрированы обращения 11 108 человек. Уделялось внимание и духовной стороне жизни: открылись новые молельные дома, главным образом на квартирах; в пригороде с. Богородского была создана иешива. В числе беженцев в город прибыли видные раввины, разного рода специалисты в обрядовой сфере. Однако Москва, как и Петроград, была по-прежнему закрыта для евреев, несмотря на фактическую ликвидацию «черты оседлости». Те из них, которые все-таки решались задержаться в городе, старались останавливаться в пригородах, где контроль властей был, как всегда, несколько меньшим⁴⁶.

Существовали в Москве и организации, помогавшие претерпевшему исход коренному населению прибалтийских губерний — литовцам, латышам и т. д. В их числе следует упомянуть Литовский комитет по оказанию помощи жертвам войны, образованный при Литовском вспомогательном обществе в Москве осенью 1914 г. и начавший оказывать помощь беженцам в июне 1915 г. Литовский комитет имел традиционный для беженских обществ набор отделов: жилищный, выдачи денежных пособий, хозяйственный, медицинский, училищный, организации трудовой помощи, юридический.

По общему для беженских обществ правилу выделение беженцам пособий производилось только после обследования их семейного и имущественного положения. Пособиями пользовались исключительно

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 37. Л. 3об.—4об.

⁴⁵ Там же. Л. 5.

⁴⁶ *Снопов Ю.А.* Евреи в Москве: динамика численности и расселение (XV–XX вв.) // *Этнографическое обозрение.* 2002. № 6. С. 76.

по нуждающиеся и нетрудоспособные. Безработные беженцы, способные к труду, получали только месячное пособие. Силами Комитета для беженцев-литовцев в Москве к октябрю 1915 г. были открыты шесть начальных училищ (в них обучалось 400 детей), детский приют, белошвейная мастерская со школой кройки и шитья и общежитие для студентов-литовцев. За период с 1 июля 1914 по 1 сентября 1916 г. в Литовский комитет обратились за помощью 13 тыс. беженцев; 4,3 тыс. из них проживали в общежитиях Комитета, 200 призревались в приютах, интернатах и богадельне для нетрудоспособных одиноких старцев и около 8 тыс. жили на наемных квартирах по 20–30 человек в каждой. С помощью открытого обществом Бюро труда почти 1,5 тыс. беженцев получили работу⁴⁷.

Помощь беженцам-латышам оказывалась прежде всего московским Латышским обществом, в составе которого в июне 1915 г. был открыт специальный комитет. Первоначально в его распоряжении не было никаких финансовых средств, кроме частных пожертвований; практически вся помощь прибывающим в город латышам оказывалась городской управой, а комитет представлял из себя скорее исполнительный орган последней.

Однако с осени 1915 г. субсидии из Петроградского центрального комитета стали поступать с относительно стабильной периодичностью. Это позволило комитету при МЛО развить деятельность, прежде всего по организации общежитий и приютов для беженцев и их детей в Москве и пригороде. Во главе него стояло правление из 5 лиц: председателя Ф. Е. Тумшевича, товарищей председателя П. А. Залита и О. И. Вальдмана, казначея К. Х. Калеина и секретаря Г. Я. Кубданца.

Комитет занимался регистрацией беженцев-латышей — правда, лишь тех, кто обращался в него за помощью, без общего учета по городу.

Комитет помогал беженцам в трудоустройстве: при его содействии к осени 1916 г. работу получили 17 983 латыша, 463 из которых выехали в уезд на сельскохозяйственные работы. Были открыты швейная, седельная и столярная мастерские, организованные на коммерческих началах.

Проживавшим на частных квартирах вынужденным переселенцам выплачивались пособия, из специально устроенного склада выдавались одежда и обувь. Размер пособий соответствовал заданным

⁴⁷ Туманова А. С. Указ. соч. С. 223.

«Руководящими положениями по устройству беженцев» нормам: латыши обеспечивались продовольственными пайками в размере 6 руб. в месяц, квартирными — 2 руб. и, кроме того, деньгами на приобретение одежды и обуви не более 20 руб. в год. Единовременные пособия выдавались в зависимости от степени нужды беженцев, но не превышали суммы в 50 руб. на одно лицо. Одежду и обувь либо денежное пособие на них к осени 1916 г. получили 25 074 человека на общую сумму в 203 326 руб. 43 коп. Отделом питания Комитета при МЛО были открыты 3 столовые, предлагавшие беженцам дешевые обеды стоимостью 10 коп. В ведении жилищного отдела находились 19 общежитий и богаделен, приютивших в общей сложности 1450 человек.

Уделялось внимание и образованию, в первую очередь беженцев-учеников и детей дошкольного возраста. Комитет содержал 10 начальных школ, 4 интерната для учащихся, 2 приюта и 6 детских садов-очагов. Дети обеспечивались одеждой и обувью (по ордерам отдела по образованию из того же склада, что и взрослые), пособиями в размере 10 руб. пользовались приблизительно 2600 учащихся. Наряду с этим Комитет при МЛО ведал медицинской и санитарной помощью беженцам — его врачебно-санитарным отделом с 1 сентября 1916 г. содержались 2 амбулатории и больница, до того находившаяся вместе с одной из амбулаторий в юрисдикции московского отделения Латышского общества вспомоществования беженцам «Родина».

Между тем последние два направления деятельности Комитета были сопряжены с проблемой преодоления языкового барьера. Еще в августе 1915 г. столица со всей очевидностью нуждалась в создании особого санитарного отдела с привлечением врачей, «знающих наречия беженцев». К началу 1916 г. проблема не разрешилась. Как писала газета «Время», «в Москве сейчас до 20 тыс. беженцев-латышей... врачей-латышей нет, а русские врачи, не владеющие латышским языком, не могут справиться с малокультурной массой беженцев»⁴⁸. Ситуация с обучением детей же отчасти компенсировалась присутствием в Москве и беженцев с педагогическим образованием — поступавшие из Рижского учебного округа в дирекцию народных училищ Московской губернии запросы свидетельствуют об их трудоустройстве на новом месте⁴⁹.

⁴⁸ Цит. по: *Руга В., Кокорев А.* Указ. соч. С. 353.

⁴⁹ См., например: ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2647. Л. 3.

Кроме московского Латышского общества помощь находившимся в Москве беженцам оказывалась Московским отделением Латышского общества вспомоществования беженцам «Родина», Московским отделом Латышского латгальского общества помощи жертвам войны и др. В августе 1915 г. при московском Эстонском обществе был открыт Комитет оказания помощи беженцам эстонцам. Однако ввиду немногочисленности вынужденных переселенцев эстонской национальности (в Москве к осени 1916 г. их насчитывалось всего 379 человек, из которых в помощи нуждалось не более 150), его деятельность проявилась в скромных масштабах: при обществе было открыто общежитие, действовала амбулатория, была внесена плата за обучение 10 учащихся. С 1 октября 1916 г. Комитет был упразднен, а все дела его были переданы в ведение Отдела помощи беженцам при Московской городской управе. Следует особо отметить, что большинство средств каждая из национальных организаций получала всё от того же Татъянинского комитета.

В начале 1917 г. возникла необходимость в составлении подробных статистических выкладок и сборе сведений об усопших и погребенных в Московской губернии переселенцах, начатом циркуляром товарища председателя Татъянинского комитета от 17 января 1917 г. Однако работа была прервана революционными событиями февраля 1917 г.

Они серьезно сказались на системе помощи беженцам, деформировав ее. Одно за другим ликвидировались уездные отделения Татъянинского комитета. На совещании Московского столичного отделения 2 июня 1917 г. утверждалось, что «минусы Татианинского комитета значительно превышают плюсы его деятельности». Председательствующий Н. И. Гучков признавался в незнании даже адреса организации (Городское совещание), унаследовавшей функции уездных отделений, а потому просил предоставить его. Точка над *i* была поставлена бывшим членом управы М. И. Приклонским: «Татианинскому Комитету вообще трудно существовать, так как он дискредитирован наименованием, как учреждение Великой Княжны. Цепляться за сохранение Отделения при создавшихся условиях не следует». Против упразднения выступил лишь председатель Польского комитета И. В. Эверт, восклицавший: «Миллионы рублей, выброшенные, по выражению некоторых теперешних общественных деятелей, Татианинским Комитетом на нужды беженцев, поддержали тысячи бедных детей... Едва ли найдется хоть один представитель какой-либо национальной организации, который решился бы подписаться под постановлением о ликвидации

Столичного Отделения»⁵⁰. Его реплика была внесена в протокол, а ликвидацию отделения почти единогласно назначили на 1 августа.

Аграрный кризис, вызванный в немалой степени репрессивной политикой в отношении немецких колонистов на западе империи, предполагалось преодолеть с помощью труда тех же самых беженцев, организации рабочих артелей для уборки хлеба из числа переселенцев. Но скромное по меркам московских типографских мощностей число (4000) копий воззвания к ним не было подготовлено газетным столом при Московском губернском правлении даже месяц спустя.

Начало шириться движение беженцев на родную землю. Ему были неспособны воспрепятствовать ни циркуляры Особого совещания, ни решения главного начальника снабжения армий Юго-Западного фронта генерала Эльснера⁵¹. Как следствие, генеральный секретарь внутренних дел украинской Центральной рады в конце сентября 1917 г. призывал московского губернского комиссара «употребить силу [зачеркнуто. — Ю. Б.], все меры для оставления» вынужденных переселенцев в регионе проживания⁵². Однако в действительности сделать этого на тот момент не представлялось возможным. Октябрьская революция окончательно упразднила существовавшие организации и механизмы решения проблемы вынужденных переселений, поставив его на новые социальные рельсы. Решать накопившиеся проблемы и первоочередную задачу возвращения домой тысяч переселенцев теперь предстояло Центральной коллегии о пленных и беженцах.

⁵⁰ Цит. по: ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 170. Оп. 1. Д. 32. Л. 105, 105об., 106, 109.

⁵¹ Там же. Ф. 17. Оп. 101. Д. 303. Л. 6, 7.

⁵² Там же. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.